

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Д. А. СТАШЕНКОВ

САМАРСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В ХАЗАРСКУЮ ЭПОХУ

Рекомендовано редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» в качестве учебного пособия для обучающихся по основной образовательной программе высшего образования по направлению подготовки 46.03.01 История

САМАРА
Издательство Самарского университета
2024

УДК 902(470.43)(075)
ББК Т4(2Рос-4Сам)я7
С788

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. Я. А. Г о л у б и н о в,
канд. ист. наук, Л. В. К у з н е ц о в а

Сташенков, Дмитрий Алексеевич
С788 **Самарское Поволжье в хазарскую эпоху: учебное пособие /**
Д. А. Сташенков. – Самара: Издательство Самарского университета, 2024. –
80 с.

ISBN 978-5-7883-2118-9

Дается характеристика археологических материалов хазарской эпохи (к. VII – нач. X в.), полученных при раскопках в Самарском Поволжье. В отдельных разделах представлены материалы памятников новинковского типа, погребальных кочевнических комплексов, памятников мадьярского круга и поселений конца раннесредневековой эпохи.

Предназначено для обучающихся по программам бакалавриата Самарского университета по направлению подготовки 46.03.01 История.

Подготовлено на кафедре российской истории.

УДК 902(470.43)(075)
ББК Т4(2Рос-4Сам)я7

ISBN 978-5-7883-2118-9

© Самарский университет, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Хазарская эпоха в Самарском Поволжье	5
2. Погребальные комплексы начала хазарской эпохи в Самарском Поволжье.	7
Памятники новинковского типа	11
3. Памятники второй хронологической группы второй половины VIII – первой половины IX века	20
4. Памятники мадьярского круга	29
5. Жигулевский грунтовой могильник.....	41
6. Поселения хазарской эпохи.....	50
7. Некоторые исторические выводы, сделанные на основе анализа археологических материалов хазарской эпохи Самарского Поволжья.....	58
Закключение	62
Список использованной литературы	64
Список рекомендованной литературы	70
Приложение 1. Радиоуглеродные даты памятников хазарской эпохи в Самарском Поволжье	76
Приложение 2. Примерные темы докладов и курсовых работ по теме «Самарское Поволжье в хазарскую эпоху»	77

ВВЕДЕНИЕ

Памятники завершающего этапа эпохи раннего средневековья в Самарском Поволжье специалисты считают возможным связывать с конкретными этническими группами – ранними болгарами, хазарами и славянами. В этот период (конец VII – начало X в. н.э.) территория региона оказывается в зоне непосредственного влияния первых поволжских государств – Хазарского каганата и ранней Волжской Болгарии, а также венгерского племенного союза.

В ходе планомерных археологических исследований в Самарском регионе изучены разнотипные группы памятников: памятники новинковского типа, погребальные кочевнические комплексы VIII-IX вв., разрозненные погребения мадьярского круга. В последние годы выявлен и начинает исследоваться новый круг древностей, представленный кремационными захоронениями и стационарными поселениями VIII-IX вв. Задачей настоящего пособия является обобщение имеющихся материалов и представление цельной картины истории Самарского региона в хазарское время.

Учебное пособие содержит необходимый объем информации, предназначенной для выполнения письменных работ, подготовки к семинарским занятиям и к промежуточной аттестации по предмету «Археология». В качестве иллюстраций к тексту представлены планы и видовые фотографии конкретных археологических памятников, исследованных на территории Самарского региона, рисунки и фотографии наиболее ярких археологических находок.

Список литературы включает в себя основные публикации по рассматриваемой в пособии тематике.

1. Хазарская эпоха в Самарском Поволжье

Хазарский период, завершающий эпоху Великого переселения народов в степной и лесостепной зонах Восточной Европы, датируется концом VII – началом X в. – временем наивысшего могущества Хазарского каганата, одного из крупнейших государств раннесредневековой эпохи. Материальная культура Хазарского каганата хорошо известна после изучения аланских древностей Северного Кавказа и памятников салтово-маяцкой культуры второй половины VIII – IX в., расположенных преимущественно в бассейне Дона (Плетнева, 1986). Значительно меньше исследованы археологами древности периода сложения каганата и памятники на пограничных территориях, контролировавшихся Хазарией, в том числе и на территории Среднего Поволжья.

Для территории Среднего Поволжья можно выделить несколько этапов, связанных с освоением этой территории кочевниками хазарского или, как этот период часто обозначается в поволжской историографии, раннеболгарского, времени:

Новинковский (конец VII – первая половина VIII в.);

Больше-Тарханский (вторая половина VIII – первая половина IX в.);

Танкеевский (вторая половина IX – начало X в.).

Данное деление достаточно условно, так как в материалах археологических памятников, давших название выделяемым этапам (курганно-грунтовые могильники новинковского типа на Самарской Луке, Больше-Тарханский грунтовой могильник и Танкеевский грунтовой могильник на территории современного Татарстана) присутствуют комплексы, датировка которых выходит за пределы обозначенных рамок, однако основная часть хронологических маркеров относится именно к указанному временному периоду.

Несмотря на то, что памятников, которые можно было бы напрямую сопоставить с Больше-Тарханским и Танкеевским могильниками, в Самарском Поволжье не выявлено, среди древностей хазарского времени в регионе также можно выделить несколько групп памятников, связанных с неоднократным проникновением в регион как преимущественно кочевого, так и оседлого населения.

На территории Самарского Поволжья изучены и погребальные памятники кочевого населения (памятники новинковского типа на Самарской Луке, немногочисленные подкурганные захоронения преимущественно в левобережной части региона и отдельные грунтовые погребения мадьярского круга), и поселения хазарской эпохи, а также кремационные захоронения, оставленные оседлыми группами. Общая сводка выявленных в Самарском Поволжье кочевнических захоронений по состоянию на 1979 год приведена И.Н. Васильевой (Васильева, 1979), материал памятников новинковского типа в основном опубликован Г.И. Матвеевой (1997), Р.С. Багаутдиновым, А.В. Богачевым, С.Э. Зубовым (Багаутдинов и др., 1998), Н.А. Лифановым (2005 и др.) и Д.А. Сташенковым (1995 и др.), памятники мадьярского круга представлены в работе Д.А. Сташенкова (2020).

Материал пока еще немногочисленных выявленных поселений и кремационных захоронений начинает вводиться в научный оборот (Матвеева, 2003; Сташенков, 2014; 2022), однако обобщающая работа по этим материалам еще не появилась.

2. Погребальные комплексы начала хазарской эпохи в Самарском Поволжье

Памятники начала хазарской эпохи (конец VII – первая половина VIII в.) в Самарском Поволжье представлены погребениями Березовского курганного могильника в Волжском правобережье и курганно-грунтовыми захоронениями новинковского типа на Самарской Луке.

Наиболее раннюю хронологическую позицию среди этих комплексов (в рамках последней трети VII в.) занимают погребения кургана 2 Березовского I курганного могильника. Памятник был исследован в 1999 г. экспедицией Самарского государственного университета под руководством В.А. Скарбовенко в Шигонском районе Самарской области. Результаты раскопок опубликованы (Скарбовенко, Сташенков, 2000).

Под простой земляной насыпью кургана 2 (современный диаметр 28 м, высота 0,5 м), окруженной неглубоким ровиком, было совершено три захоронения (рис. 1). Центральное мужское погребение было устроено в могильной яме сложной конструкции с меридиональной ориентировкой. Погребение, возможно, ориентированное головой на восток, было ограблено.

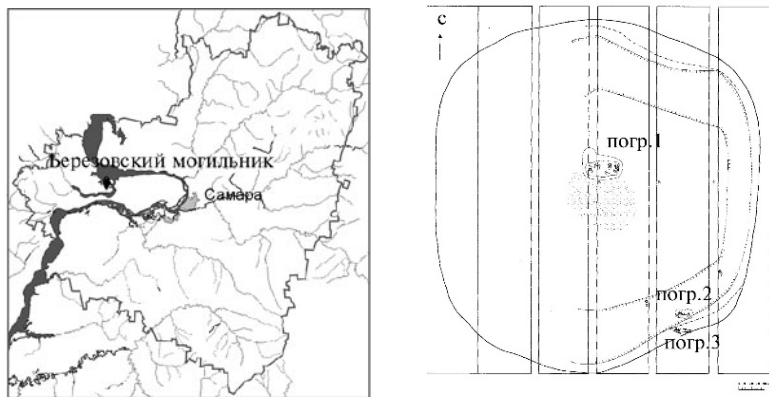

Рис. 1. Ситуационный план расположения Березовского I курганного могильника и план кургана 2

Рис. 3. Предметы из захоронений кургана 2 Березовского курганного могильника

В Среднем Поволжье и территориально, и хронологически близко к комплексам Березовского могильника располагаются захоронения Шиловского курганного могильника, исследованного в Сенгилеевском районе Ульяновской области экспедицией Самарского университета под руководством Р.С. Багаутдинова (Багаутдинов и др., 1998).

Погребения кургана 2 Березовского I курганного могильника имеют особое значение для построения хронологической шкалы поволжских древностей и выяснения этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье в VII-VIII вв. н.э. Исследованные погребения Березовского могильника позволяют сузить хронологическую лауну между позднейшими памятниками именьковской культуры, прекратившей свое существование около середины VII в., и наиболее ранними новинковскими комплексами конца VII в. Видимо, Березовские погребения оставлены именно той группой кочевников, которая проложила дорогу в Среднее Поволжье основной массе кочевого населения хазарской эпохи (Скарбовенко, Сташенков, 2000. С. 179).

Памятники новинковского типа

Археологические памятники, относимые сегодня к числу памятников новинковского типа, впервые были исследованы еще в 1922 г. экспедицией Самарского университета под руководством В.В. Гольмстен. В 1970-1980-х гг. началось систематическое изучение раннесредневековых курганных могильников на Самарской Луке, преимущественно экспедициями Самарского (тогда еще Куйбышевского) государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой и ее учеников, продолженное в 1990-е и 2000-е годы (Матвеева, 1997).

Материальная культура и погребальный обряд памятников новинковского типа на Самарской Луке подробно проанализирован в специальных исследованиях (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Сташенков, 1995).

Сегодня мы можем утверждать, что памятники новинковского типа (курганно-грунтовые могильники) сосредоточены на Самарской Луке, преимущественно в ее южной части (рис. 4).

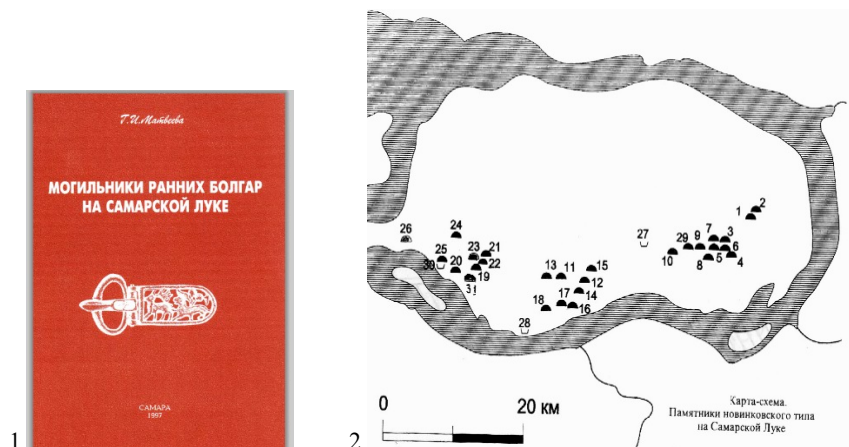

Рис. 4. 1 – обложка книги Г.И. Матвеевой «Моги́льники ранних болгар на Самарской Луке». Самара, 1997; 2 – карта расположения памятников новинковского типа на Самарской Луке (2). Рис. по: Матвеева, 1997

Исследовались могильники у сел Новинки, Рождественно, Выползово, Брусяны, Малая Рязань, Осиновка. Всего известно около 30 памятников новинковского типа.

В ходе разведок памятники новинковского типа легко фиксируются даже не очень опытными археологами. В курганных насыпях часто имеются известняковые камни крупных и средних размеров, располагавшиеся как над отдельными погребениями, так и по всей поверхности кургана или в его центральной части. Известны и немногочисленные отдельные грунтовые захоронения новин-

ковского типа, а также захоронения, совершенные в межкурганном пространстве на территории крупных могильников (например, в Новинковском I курганно-грунтовом могильнике). Возможно, каменные наброски были более мощными на первом этапе освоения носителями новинковской традиции территории Самарской Луки, на рубеже VII-VIII вв.

К настоящему времени в памятниках новинковского типа исследовано более 220 захоронений. Под курганом находилось от 1 до 12 погребений. Погребенные лежали вытянуто на спине в овальных или подпрямоугольных ямах глубиной до 1 м. Исследователи отмечают, что в ранних погребениях преобладает ориентация погребенных головой на восток, позднее часто встречается ориентировка в северном или западном секторе. Нужно отметить, что указанная тенденция имеет ряд исключений, и делать выводы о хронологии погребальных комплексов, опираясь на ориентировку погребенных, некорректно.

Несмотря на подавляющее преобладание ингумационных захоронений в новинковских памятниках, трупоположение было не

единственным способом обращения с телами умерших. Известны и единичные случаи кремации, подтверждающие неоднородный состав населения, оставившего эти памятники.

Погребальный инвентарь новинковских захоронений, в зависимости от половозрастной принадлежности погребенных, включает в себя керамику, оружие, украшения, орудия труда, предметы конской упряжи (рис. 5). Керамика представлена преимущественно лепными плоскодонными горшками и, реже, лепными или изготовленными на гончарном круге кувшинами.

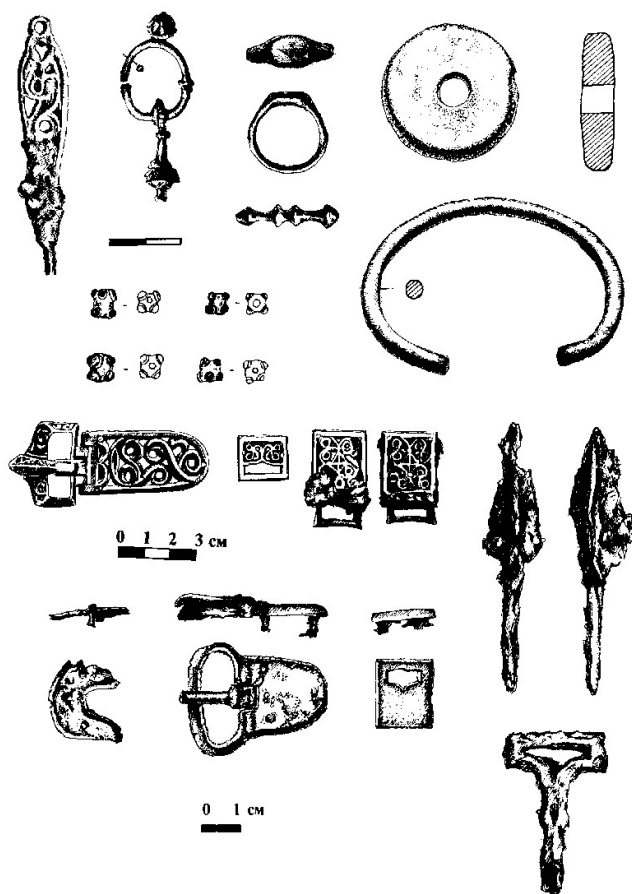

Рис. 5. Предметы из погребений Новинковского I курганно-грунтового могильника

Кувшины встречены только в погребениях взрослых, горшки зафиксированы в погребениях всех возрастных групп. В захоронениях младенцев горшок нередко был единственным предметом погребального инвентаря. В могилах глиняная посуда размещалась преимущественно в изголовье погребенного, реже – в районе пояса или у ног. Находки керамики в курганной насыпи, за пределами могильных ям, документирует наличие постпогребальных обрядов, частью которых были поминальные тризны. Возможно, после завершения тризны глиняная посуда разбивалась и оставлялась на поверхности курганной насыпи, как это было зафиксировано при раскопках кургана 9 Новинковского I курганно-грунтового могильника (Сташенков, 1995).

1

2

3

Рис. 6. Предметы из памятников новинковского типа:
1 – серьги. Золото; 2 – копоушка. Бронза; 3 – бусы. Стекло

Украшения и элементы одежды из неорганических материалов были найдены и в мужских, и в женских, и в детских захоронениях (Сташенков, 2000). В мужских погребениях, это, как правило, металлические части (пряжки, накладки, наконечники) поясных наборов, серьги с удлиненной привеской раннего варианта серег салтовского типа, изредка перстни (рис. 6, 1). В женских захоронениях зафиксированы стеклянные и каменные бусы, бронзовые подвески, пронизки, серьги, копоушки, браслеты, зеркала, железные булавки и игольники, глиняные пряслица (рис. 6, 2-3; 9). В детских погребениях отмечены костяные и бронзовые амулеты, стеклянные бусы, костяные сунаки (рис. 7).

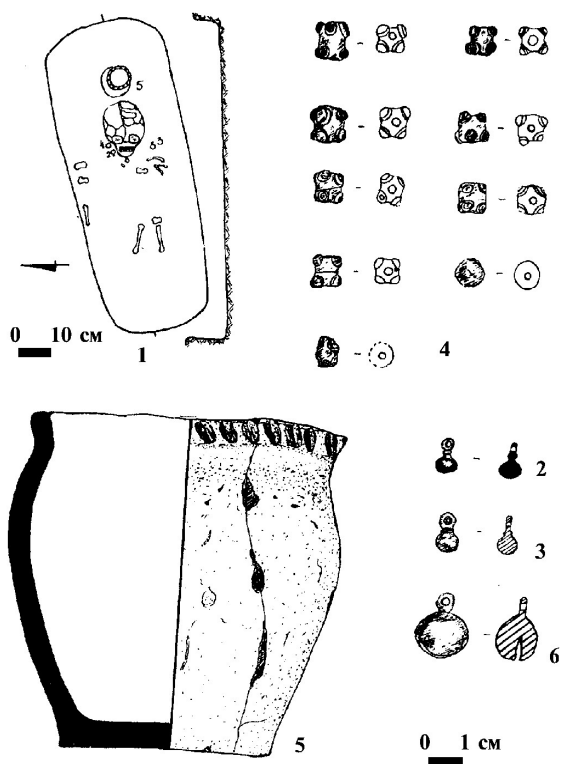

Рис. 7. План детского захоронения Новинковского I курганно-грунтового могильника и инвентарь погребения.

Предметы вооружения найдены только в захоронениях взрослых мужчин. Это железные сабли со слабоизогнутым клинком, палаши, наконечники стрел и копий, боевые топоры, колчанные крючки, кистени, а также костяные накладки на лук (рис. 8). Только в мужских захоронениях найдены элементы конского снаряжения: железные стремена, удила, украшения узды из бронзы, костяные путовые пряжки и обкладки передней луки седла.

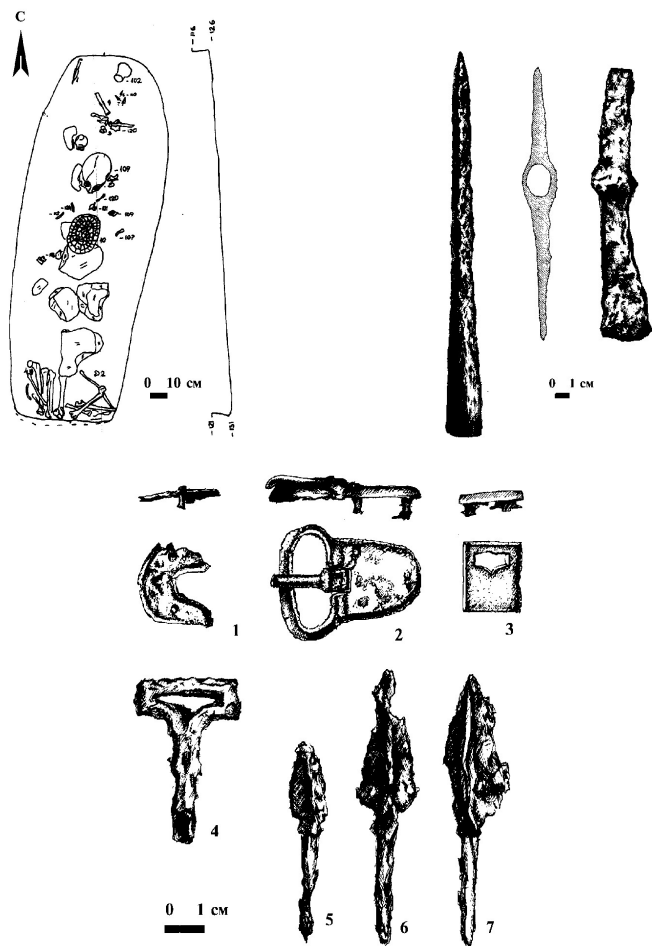

Рис. 8. План мужского захоронения Новинковского I курганно-грунтового могильника и инвентарь погребения

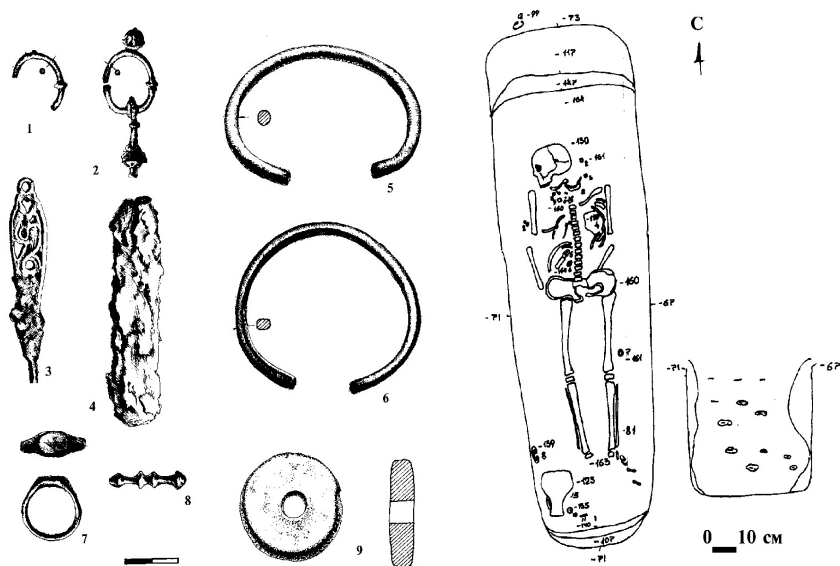

Рис. 9. План женского захоронения Новинковского I курганно-грунтового могильника и инвентарь погребения. Реконструкция лица по черепу погребенной из курганного могильника Малая Рязань

По мнению Г.И. Матвеевой, поддержанному рядом ее учеников, памятники новинковского типа были оставлены какой-то частью племен ранних болгар, которые мигрировали на Среднюю Волгу из районов Северного Кавказа и Приазовья во второй половине VII в. после распада Великой Болгарии хана Кубрата (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998). Однако зафиксированные при дальнейших исследованиях антропологические различия, разница в деталях погребального обряда и наборе предметов материальной культуры свидетельствуют, что население, пришедшее в район Самарской Луки на рубеже VII-VIII вв., в этнокультурном плане было неоднородным и не могло быть частью одного этноса.

Погребальные памятники новинковского типа объединяют в единую группу по сочетанию целого ряда основных признаков:

- погребения в основном совершены под курганными насыпями с каменной наброской. Вероятно, сооружение курганной насыпи было заключительным этапом растянутых во времени обрядовых действий, маркировавшим завершение сооружения погребального комплекса;

- центральные и некоторые периферийные погребения взрослых, не только мужчин, но и женщин, имеют следы ритуального разрушения, проводившегося через некоторое время после совершения первоначального захоронения;

- положения костяков – вытянутое на спине;

- туши и шкуры животных (лошади или барана) в могильные ямы помещались только изредка;

- набор инвентаря различается в зависимости от возрастной, половой и социальной принадлежности погребенных. В женских комплексах отсутствуют поясные наборы. Керамика в погребениях представлены преимущественно лепными горшковидными сосудами небольших размеров, украшенными защипами или насечками по срезу венчика. В синхронных древностях сопредельных регионов почти не встречаются специфические «новинковские» пояса и серьги раннего варианта (хазарского) серег салтовского типа.

Необходимо также отметить, что погребальные памятники новинковского населения изначально возникали как курганно-грунтовые.

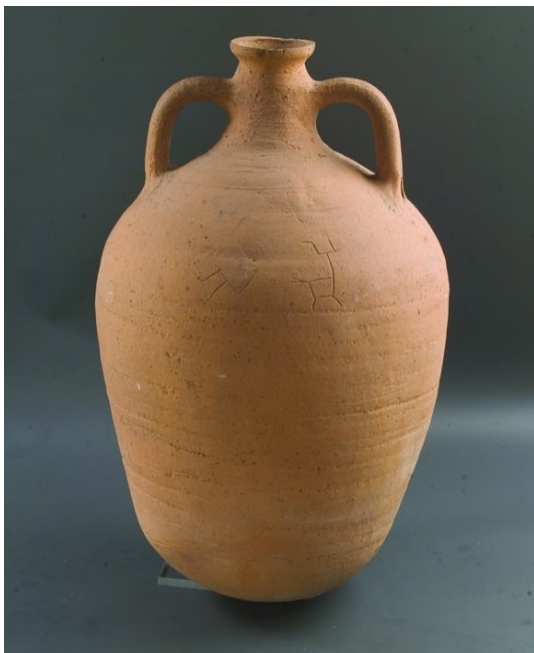
Наиболее поздние комплексы новинковского типа, в частности, исследованные в Новинковском I курганно-грунтовым могильнике, относятся уже к следующей хронологической группе.

Рис. 10. Реконструкция внешнего облика населения Самарской Луки хазарской эпохи по материалам раскопок Новинковского I курганно-грунтового могильника. Рис. Л.Ю. Николаевой

3. Памятники второй хронологической группы (вторая половина VIII – первая половина IX в.)

Количество известных погребальных комплексов второй хронологической группы невелико и представлены они преимущественно отдельными подкурганными или впускными погребениями в Самаро-Кинельском междуречье, редко – в Волжском правобережье. Вероятно, малое количество выявленных комплексов и их разрозненность объясняется тем, что расположены они в пограничной зоне, не входившей в зону постоянных сезонных маршрутов конкретных кочевых групп.

К числу комплексов этой группы относятся:

Хрящевское погребение (впускное погребение 1 кургана 8); Васильевское погребение; погребения в кургане у п/л «Золотая Нива»; Бобровское погребение (погр.6 кургана 2 курганного могильника Бобровка I), погребение на селище Малячкино.

Остановимся на наиболее ярких материалах.

Бобровское погребение (впускное погр.6 кургана 2 курганного могильника Бобровка I).

Курганный могильник Бобровка I, расположенный к северу от с. Бобровка Кинельского района Самарской области, исследовался экспедицией Самарского государственного университета под руководством В.А. Скарбовенко в 2000 г. Всего было раскопано три кургана, сооруженных в эпоху бронзы.

В кургане 2 изучено впускное погребение (№6), относящееся к раннему средневековью (Скарбовенко, 2000. С. 197-199). Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии СЗ-ЮВ, вдоль северной продольной стенки имела ступеньку шириной 50 см. На ступеньку была положена шкура молодой лошади (1-1,5 лет), которая фиксировалась по находкам черепа, костей конечностей и хвостовым позвонкам, находившимся в анатомическом порядке (рис. 11).

Погребение годовалого ребенка было совершено в вытянутом на спине положении, головой на северо-запад. В погребении находились две литые серебряные серьги салтовского типа, бронзовый бубенчик, пронизки, два глиняных сосуда – лепной плоскодонный горшок, украшенный вдавлениями по срезу венчика и небольшой изготовленный на гончарном круге сероглиняный кувшин, на дне которого фиксируется клеймо мастера. Рядом с глиняными сосудами в изголовье находилась кость конечности свиньи или кабана.

Бобровское погребение – одно из немногих в Самарском Поволжье, которое уверенно может быть отнесено к кругу памятников, близких салтово-маяцкой культуре. Несомненно, оно оставлено кочевым населением, возможно, связанным с болгарскими группами.

Хрящевское погребение (впускное погребение 1 кургана 8). Погребение совершено в кургане бронзового века, исследованном отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.А. Мерперта в 1951 г. у с. Хрящевка Ставропольского района.

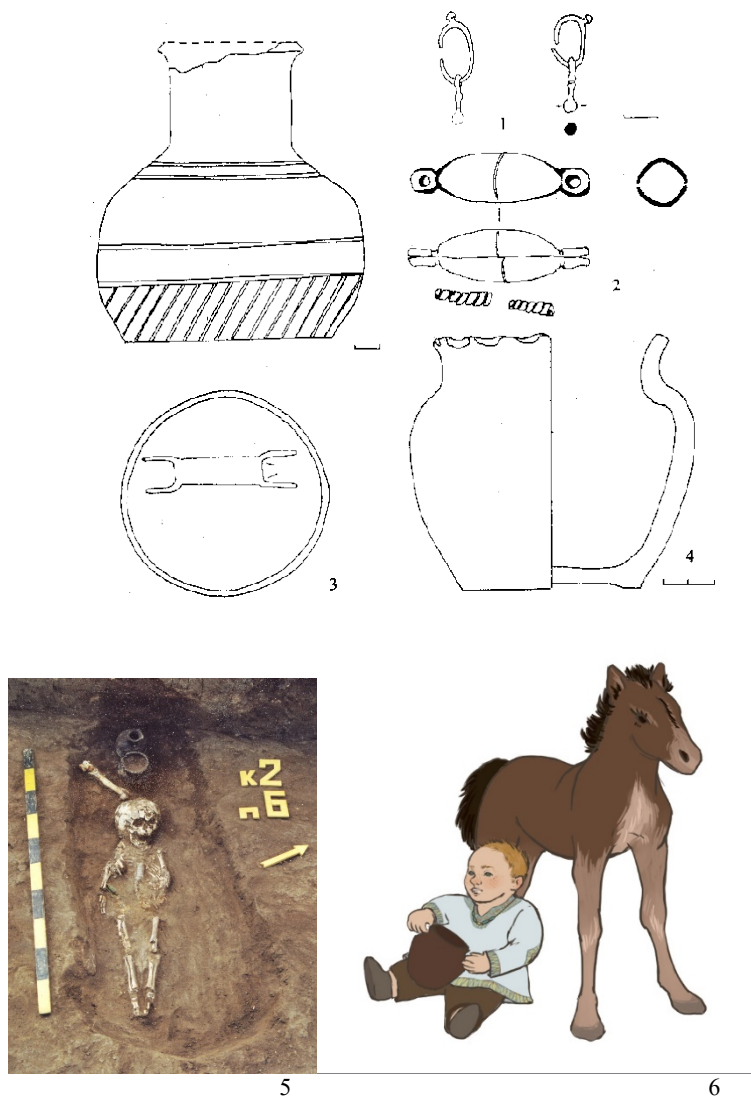

Рис. 11. Бобровское погребение: 1 – серьги. Серебро; 2 – подвеска. Бронза; 3, 4 – сосуды. Глина; 5 – фотография погребения после расчистки; 6 – реконструкция внешнего облика ребенка, погребенного у с. Бобровка.
Рис. М.В. Клугман

Костяк взрослого человека, вероятно, женщины, лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ (рис. 12). У головы и правой плечевой кости, а также под нижней челюстью найдены две подвески колесовидной формы из биллона. Подвески состоят из двух концентрических кругов с четырьмя расплюснутыми в средней части осями. Слева от черепа находился лепной круглодонный сосуд с отогнутым венчиком, орнаментированный круглыми вдавлениями по плечикам и отпечатками веревочного штампа по шейке.

Рис. 38. Погребение 1 в кургане № 8 у села Хрящевки
1 — погребение; 2 — сосуд

Рис. 12. Хрящевское погребение (погребение 1 кургана 8):
1 — Фотография погребения; 2 — лепной сосуд. Рис. по: Мерперт, 1954. Рис. 38

Рядом с горшком лежало большое биконическое глиняное пряслице. В области шейных позвонков, грудной клетки, тазовых костей и у правого бедра найдено 126 бусин от ожерелья, сделанные из стекла, сердолика и других видов полудрагоценных камней, раковин. Среди бус встречены полихромные стеклянные бусы, с инкрустированными и рельефными глазками, плоские подвески, многочисленные золотостеклянные пронизки и др. (рис. 13).

Рис. 13. Хрящевское погребение (погребение 1 кургана 8).
 Вещи из погребения: 1 – амулет. Бронза; 2 – комплект бус. Стекло, камень.
 Рис. по: Мерперт, 1954.

Н.Я. Мерперт датировал погребение второй половине VIII–IX в. н.э. и связал его с началом истории болгарских племен в Поволжье (Мерперт, 1954. С. 127-129). Вместе с тем он отметил, что круглодонный горшок, найденный при погребении, по форме, технике производства и характеру орнамента может быть связан с исконными производственными традициями племен Среднего Поволжья и Прикамья.

Определение этнической принадлежности хрящевского погребения на настоящий момент преждевременно. В целом нужно отметить, что подкурганый обряд погребения, наличие в погребении большого числа бус, круглодонный орнаментированный сосуд не характерны для раннеболгарских комплексов второй хронологической группы. Вероятно, исходные районы миграции населения, оставившего погребение, следует искать в Прикамье и Приуралье.

Погребение на селище Малячкино IV

При проведении спасательных археологических раскопок на селище бронзового века Малячкино IV в Шигонском районе Самарской области в 2021 г. отрядом ООО «Межрегиональный центр археологических исследований» под руководством М.А. Турецкого было обнаружено одиночное грунтовое погребение хазарского времени. Погребенный был помещен в могильную яму прямоугольной формы в слабоскорченном положении на правом боку, головой он был ориентирован на запад. Погребальный инвентарь состоял из красноглиняной амфоры, двух лепных горшковидных сосудов, кругового кувшина, фрагмента бронзового зеркала и фрагментов железных изделий, возможно, подпружных пряжек.

Особый интерес вызывает находка в погребении красноглиняной амфоры причерноморского типа с зональным рифлением, с туловом яйцевидной формы (рис. 14, 1).

Рис. 14. Погребение на селище Малячкино IV.
Амфора и круговой кувшин. Глина

Находки подобных амфор и их фрагментов в Среднем Поволжье сделаны как в погребальных комплексах, так и на поселениях. В ранних погребальных комплексах, в которых преобладают материалы конца VII – первой половины VIII в., амфорная тара отсут-

ствуется. Подкурганные захоронения в Ульяновском Поволжье и на Самарской Луке с находками амфор (курганные могильники Урень II, Бруснянский III одиночный курган (Багаутдинов и др., 1998. Рис. 40, 1, 3) датируются второй половиной VIII – IX в. Поселения, на которых обнаружены фрагменты крымских амфор, также появляются в регионе не ранее второй половины VIII – IX в. (Пролетарское городище, селища Власть Труда I, Севрюкаево II, Новый Путь, Малая Рязань VII), все они имеют культурный слой небольшой мощности и являются либо сезонными стойбищами подвижного населения, либо недолговременными ремесленными поселками (Сташенков, 2011. С. 103–104; 2020. С. 107–110).

Центр производства амфор причерноморского типа или амфор с мелким зональным рифлением находился в Северном Причерноморье, где зафиксировано 35 гончарных ремесленных комплексов их производства. Еще в 1979 г. А.Л. Якобсон детально рассмотрел амфоры этого типа, отметив, что широкое распространение их относится к IX в. Амфоры с яйцевидным гладким корпусом, украшенные в верхней части мелким зональным рифлением, он отнес к варианту 1 (Якобсон, 1979. С. 29–31). В последние годы появилась серия публикаций, в которых анализируется хронология и специфика амфор рассматриваемого типа (Голофаст, Евдокимов, 2019; Науменко, 2009; Суханов, 2017). По мнению В.Е. Науменко, подобные амфоры следует отождествлять с т.н. «глобулярными» амфорами, которые представляют собой стандартизированный класс тарной продукции, производившейся на протяжении VII–IX вв. во многих центрах Средиземноморского мира – в Италии, Греции, на островах Эгейского моря, Крите, Кипре, в Северной Африке и Сирии (Науменко, 2020. С. 399).

Е.В. Суханов, который провел детальный анализ причерноморских амфор в серии специальных работ, отметил отсутствие форм высоких пропорций, аналогичных находке из Малячкино, в средиземноморских материалах VIII–IX вв., что может свидетельствовать о принадлежности их к продукции именно крымских гончарных центров (Суханов, 2017. С. 96). По его наблюдениям, подавляющее большинство причерноморских амфор высоких пропорций изготовлены в VIII веке, меньшая часть – в первой половине IX в. (Суханов, 2017. С. 95).

Для Волго-Уральского региона эта датировка может быть сужена. Судя по археологическому контексту, наиболее вероятное время попадания причерноморских амфор с зональным рифлением в регион – вторая половина (возможно, конец) VIII – первая половина IX в.

Сероглиняный круговой кувшин, орнаментированный по плечу и в средней части тулова волнистыми линиями в сочетании с горизонтальными прочерченными линиями, имеет следы вертикального полосчатого лощения в нижней части тулова. На горловине кувшина выделен ойнохоевидный слив. Широкое плоское дно имеет клеймо в виде креста в квадрате.

Подобная круговая и подправленная на круге посуда, относящаяся к развитому этапу салтово-маяцкой культуры, известна и в погребальных, и в поселенческих комплексах Среднего Поволжья. Круговые сероглиняные кувшины с вертикальным полосчатым или перекрестным лощением представлены в материалах Больше-Тарханского и Танкеевского могильников в Татарстане (Генинг, Халиков, 1964. Рис. 11. Табл. IV–V), зафиксированы они и в отдельных подкурганых и грунтовых захоронениях Ульяновского и Самарского Поволжья (Матвеева, 1997. Рис. 127; Багаутдинов и др., 1998. Рис. 37; Сташенков, 2003; 2010; Семькин, Казаков, 2003. Рис. 2; 7).

На поселениях фрагменты салтовских кувшинов присутствуют в небольшом количестве.

На левом берегу Волги фрагменты лепных и подправленных на круге кувшинов салтово-маяцкого типа обнаружены на городище Чертов городок (Семькин, 1996; Матвеева, Семькин, 2008) и на селище Власть Труда I. Более представительны находки фрагментов подобных кувшинов, пряслиц и жетонов, изготовленных из их стенок, которые сделаны при раскопках Пролетарского городища (Сташенков, 2020).

В Волжском правобережье немногочисленные фрагменты круговых и подправленных на круге сосудов салтовского типа выявлены при раскопках Абрамовского селища, городища Новослободское, городища и селища Новая Беденьга в Ульяновской области (Семькин, 1996; Матвеева, Семькин, 2008; Семькин, Матвеева, 2010. Рис. 6).

При раскопках раннесредневековых памятников Самарской Луки, на которых обнаружены фрагменты красноглиняных амфор причерноморского типа (селища Севрюкаево II, Новый Путь, Малая Рязань VII), сколько-нибудь выразительной подборки фрагментов сероглиняных салтовских кувшинов не зафиксировано (Матвеева, 2003; 2005; Матвеева, Скарбовенко, 2005; Вязов, Нерушин, 2010). При исследовании Жигулевского грунтового могильника, на котором присутствуют материалы, находящие аналогии в погребальных комплексах новинковского круга, круговая керамика салтовского облика и амфорная посуда отсутствуют (Сташенков и др., 2019). Возможно, распространение салтовских кувшинов в Среднем Поволжье связано с событиями IX века и происходит оно позднее, чем появление в регионе амфор причерноморского типа.

Погребение у с. Малячкино датируется второй половиной VIII – первой половиной IX в. Аналогии предметам погребального инвентаря позволяют сделать вывод о принадлежности изученного погребения к числу памятников, связанных с носителями салтово-маяцкой культуры, вероятно, с кочевым населением Хазарского каганата.

Исходным районом миграции оставившего погребальный комплекс у с. Малячкино населения в Среднее Поволжье могла быть территория степного варианта салтово-маяцкой культуры.

Нужно отметить, что в Среднем Поволжье известные погребальные комплексы с амфорами происходят исключительно из подкурганных захоронений. Возможно, изначально над захоронением на селище Малячкино существовала небольшая курганный насыпь, впоследствии снивелированная в ходе хозяйственного использования территории.

4. Памятники мадьярского круга (комплексы третьей хронологической группы (IX – начало X в.)

Комплексы этой группы представлены преимущественно разрушенными по разным причинам грунтовыми захоронениями мадьярского круга.

Выделение по археологическим материалам комплексов мадьярского круга в Среднем Поволжье стало возможным после исследования казанским археологом Е.А. Халиковой Больше-Тиганского могильника и масштабных раскопок Танкеевского могильника на территории Татарстана (Халикова, 1972; 1976). Вскоре после выхода в свет публикаций Е.А. Халиковой материалов раскопок Больше-Тиганского могильника и появление ее основополагающих работ по ранневенгерской проблематике были введены в научный оборот и материалы первых погребальных комплексов этого круга, обнаруженных в Самарском Поволжье. Г.И. Матвеевой были опубликованы материалы разрушенных захоронений у разъезда Немчанка и на 116 км г. Куйбышева (Матвеева, 1977; 1978). Нужно отметить, что в первых публикациях Г.И. Матвеева очень осторожно высказывалась по поводу этнической атрибуции новых материалов, относя их к раннеболгарскому времени, но к 1986 г. сомнений по поводу их древневенгерской атрибуции у нее не осталось (Васильев, Матвеева, 1986).

В настоящее время в Самарском Поволжье (включая и территорию западных районов Оренбургской области в бассейне р. Самары), после обработки материалов старых разведок и сборов и выявления новых памятников, известно 16 пунктов – погребений, поселенческих комплексов и мест случайных находок предметов угорского круга, датирующихся преимущественно в пределах IX в. (Сташенков, 2020).

Погребения мадьярского круга обладают набором общих признаков. В погребениях у разъезда Немчанка, на 116 км г. Куйбышева, Палимовском и Ромашкинском, как мужских, так и женских, присутствуют украшения из серебра: перстни с четырьмя лапками (Матвеева, 1976, с. 38; 1977, рис. 1, 14) и серебряные накладки.

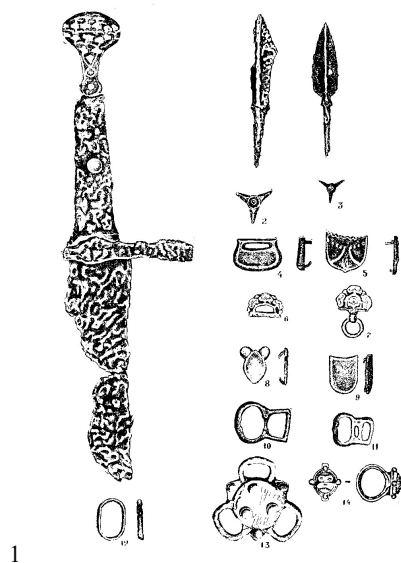

Рис. 15. Предметы из разрушенного захоронения у разъезда Немчанка.

1 – рис. по: Матвеева, 1977; 2 – фрагмент экспозиции музея археологии и этнографии Самарского университета

Для мужских погребений характерно оружие – сабли и наколенники стрел, предметы конской упряжи (рис. 15-16). Датировка, ранее которой не могли быть совершены захоронения, уточняется монетными находками. В Ромашкинском погребении найдены два арабских (аббасидских) дирхема, один из которых отчеканен в 155 г.х. (771-772 гг. от р.Х.) (Мажитов, 1981, с.124). В 144 г.х. (761-762 гг. н.э.) чеканен один из двух дирхемов Палимовского погребения. Сами монеты, выявленные в захоронениях, использовались в качестве подвесных украшений.

Рис.16. Предметы из захоронения на 116 км г. Куйбышева.

1 – ременные накладки и трензельное кольцо. Бронза;
2 – стреля. Железо; 3 – сабля (3). Железо

Выявленные погребальные комплексы можно разделить на 4 группы.

Группа 1.

Отдельные грунтовые захоронения, расположенные на узкой кромке границы степной и лесостепной природно-географических зон в бассейне реки Самара (Палимовское, Немчанские (2 погребения), погребение на 116 км г. Куйбышева (Самары), погребения на 23 км г. Самары, погребение в мкр. Кряж).

Мужские погребения объединяются в одну группу по следующим основаниям:

– западная ориентировка погребенных (в тех случаях, когда ее удастся установить); наличие предметов вооружения (сабли «венгерского» типа, наконечники стрел); наличие ремennого набора; наличие предметов конской упряжи и сбруи (удила, стремяна, трензельные кольца, уздечные накладки) (рис. 17-18).

Украшения представлены бронзовыми браслетами и перстнями. Во всех мужских погребениях отсутствует керамика.

Рис. 17. Железные предметы (сабля, элементы системы подвеса) из разрушенных захоронений на 23-24 км г. Самары.

1

2

Рис. 18. Железные предметы из разрушенных захоронений на 23-24 км г. Самары. 1 – удила, подпружные кольца и пряжка; 2 – кресала, фрагменты колчана, наконечники стрел

В женских погребениях (палимовском и погребении у пос. Кряж) имеются ременные накладки (рис. 19), серьги, стеклянные бусины, бронзовые браслеты, перстни, серебряные монеты, использовавшиеся в качестве украшения костюма, глиняный сосуд (Сташенков, Перепелкин, 1996; Павлов, Денисов, 2024. С. 22-23).

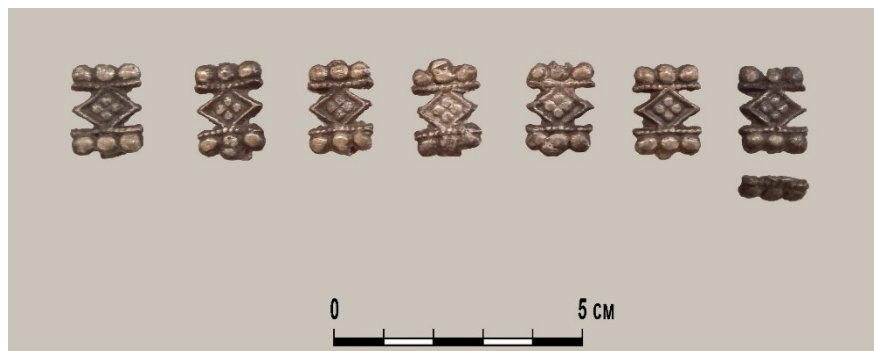

Рис. 19. Серебряные ременные накладки из Палимовского погребения

Географически погребения расположены тремя локальными группами и можно предположить их принадлежность к различным семейным коллективам в целом однокультурного населения.

Подгруппа 2.

Отдельные грунтовые захоронения, расположенные в лесостепной природно-географической зоне в бассейне реки Сок. В настоящее время здесь известен только один комплекс – Лебяжинское погребение (погребение №4) (Сташенков, Турецкий, 1999). Одинокое погребение взрослого мужчины было выявлено при масштабных раскопках поселения эпохи неолита-бронзы у хут. Лебяжинка Красноярского района Самарской области совместной экспедицией Самарского гос. педагогического университета и Института истории и археологии Поволжья в 1997 г. Могильная яма имела прямоугольную форму размерами 225х65 см, была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, и углублена в материк на 14-15 см. В изголовье могильная яма имела небольшую ступеньку. Погребенный – мужчина 30-35 лет, европеоид, лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток, лицо обращено на юго-запад. За черепом погребенного находилась крестцовая часть

крупного животного. В нижней части грудной клетки, справа лежала железная колчанная петля, слева – три железных наконечника стрел. У запястья левой руки обнаружен браслет из толстого бронзового шестигранного в сечении прута, у фаланги пальца правой руки – перстень из серебра с овальной розеткой с четырьмя лапками, в которой была закреплена стеклянная вставка фиолетового цвета. На коленном суставе правой ноги зафиксированы детали железных двухсоставных удилищ, в районе ступни – железный топор-чекан, на правой бедренной кости – обломок каменного оселка. У основания правой стороны черепа зафиксирована окись бронзы от серьги, фрагмент которой был обнаружен около погребения.

Железный топор (рис. 20) относится к группе небольших боевых топориков-чеканов с выступающим обушком-молоточком. По классификации А.Н. Кирпичникова топор относится к типу I группы I специально боевых топориков-молотков (чеканов) (Кирпичников, 1966. С. 33. Рис. 6). По классификации И.Л. Измайлова топор принадлежит типу АI отдела А (специально боевых топоров) (Измайлов, 1993. С.90). Топоры типа АI были специализированным оружием воина-профессионала.

Рис. 20. Железный топор. Лебяжинское погребение

Наличие удилищ в погребении, возможно, является символом помещения в могилу коня. Возможно, помещенные в изголовье Лебяжинского погребения позвонки животного принадлежали лошади, как это отмечено в Танкеевском могильнике (Халикова, 1966. С. 144).

Фрагмент литой бронзовой серьги салтовского типа (рис. 21, 1) в средней части кольца имел утолщение – имитацию напускной бусины. По технологическим и морфологическим особенностям серьга датируется второй пол. VIII – IX в. и имеет аналогии в памятниках салтовского круга, в том числе и на территории Среднего Поволжья (Больше-Тарханский и Танкеевский могильники). Наличие одной серьги с правой стороны черепа – характерная деталь в мужских погребениях памятников венгерского круга (Халикова, 1976 а. С. 162).

Важной находкой является и серебряный перстень с четырьмя лапками – фиксаторами стеклянной вставки (рис. 21, 2), аналогии которому имеются как в комплексах салтово-маяцкой культуры, так и в захоронениях Больше-Тиганского могильника.

Рис. 21. Фрагмент литой бронзовой серьги салтовского типа, перстень с стеклянной вставкой. Серебро. Лебяжинское погребение.

Лебяжинское погребение может датироваться в пределах IX века. Набор погребального инвентаря Лебяжинского погребения отличен от предметов из погребений I группы. Отличается ориентировка погребенного (юго-восточная). Лебяжинское погребение – единственное погребение угорского круга в Самарском регионе, где среди предметов вооружения присутствует топор-чекан. При анализе антропологического материала из погребения специалисты отметили, что по ряду признаков европеоидный череп из Лебяжинского погребения сходен с соответствующими признаками серии из Танкеевского могильника (Газимзянов, Хохлов, 1999. С. 304).

Подгруппа 3.

Впускные подкурганные захоронения Волжского левобережья.

В этой подгруппе пять комплексов, которые значительно различаются между собой: впускные погребения № 1 и 2 в одиночном кургане у п/л «Золотая Нива» (Васильева, 1979), впускные погребения в курганном могильнике Просвет I (Багаутдинов и др., 2006) и погребение из кургана №8 курганного могильника №3 у с. Воскресенка (Сташенков, 2020).

Погребенные в кургане у п/л «Золотая Нива» лежали вытянуто на спине, головой на запад, и сопровождалась железными наколочниками стрел и костяными орнаментированным горлышком от бурдюка, а также комплектом лучных обкладок. По определению одного из первых исследователей раннесредневековых сложных составных луков А.И. Семенова, луки из Золотой Нивы принадлежали к «венгерскому типу» (Савин, Семенов, 1995. С. 76). Погребения можно датировать IX в.

Два впускных погребения в курганном могильнике Просвет I также датируются в пределах IX в.

Женское погребение из курганного могильника Просвет I наиболее богатое из всех погребальных комплексов этой группы. Только в этом погребении присутствуют золотые украшения (поясные накладки, перстень, серьги) (рис. 22).

1

Рис. 22. Курганный могильник
Просвет. Серьги. Золото

2

Рис. 23. Курганный могильник
Просвет. Кувшин. Глина

Погребенная располагалась в вытянутом на спине положении, головой на запад. В погребении обнаружены кости коня и глиняный подправленный на круге кувшин (рис. 23). Авторы первой публикации комплекса (Багаутдинов и др., 2006) посчитали возможным считать это погребение угорским. Однако вопрос об этнической принадлежности погребенной сложен. С одной стороны, западная ориентировка погребения, стилистически близкое оформление украшений сближают рассматриваемое погребение с памятниками мадьярского круга, с другой – курганный обряд погребения, выбор золота в качестве основного материала для изготовления украшений, наличие специфической керамики дают основание для отнесения его к иной этнокультурной группе. Данное погребение лишний раз подчеркивает тот факт, что на сегодняшний день не существует четких критериев дифференциации погребальных комплексов эпохи мадьяро-печенежских войн IX в.

Погребение в кургане №8 курганного могильника №3 у села Воскресенка.

В 1924 г. слушатели Высших этнолого-археологических курсов под руководством В.В. Гольмстен провели раскопки курганного могильника №3 у с. Воскресенка Самарского уезда (сейчас – Волжского района Самарской области). В могильнике, состоявшем из 14 курганов, было раскопано два кургана. Один из них был сооружен в бронзовом веке. При раскопках второго кургана (№8), сооружение которого относится к средневековой эпохе, под наброской из крупных камней были зафиксированы череп и длинные кости лошади, под которыми находилось могильное пятно округлой формы диаметром более 2 м. Погребение было разрушено в древности, кости погребенного были перемешаны, погребальный инвентарь сохранился частично. Он представлен фрагментами срединной и четырех концевых роговых обкладок лука (рис. 24), железными наконечниками стрел, крупной стеклянной бусиной белого цвета.

Датировка комплекса вызывает определенные сложности. Сочетание набора из срединной и концевых обкладок лука венгерского типа и трехлопастного наконечника стрелы характерно для IX века, но обнаруженный в погребении бронебойный наконечник стрелы более типичен для X и последующего столетий.

Вероятно, погребение у с. Воскресенка было совершено не ранее рубежа IX-X вв.

Рис. 24. Погребение в кургане №8 курганного могильника №3 у с. Воскресенка. Лучные накладки. Кость.

Подгруппа 4.

Грунтовые погребения на Самарской Луке.

К угорскому кругу с оговорками можно отнести погребение подростка в грунтовой части могильника Ош-Пандо-Нерь и комплексы из Подгорского грунтового могильника.

Погребение в грунтовой части могильника Ош-Пандо-Нерь (погребение №14) было исследовано при раскопках селища именьковской культуры Ош-Пандо-Нерь (раскоп VIII) экспедицией под руководством Н.А. Лифанова в 2001 г. Костяк подростка располагался вытянуто на спине, с разворотом на правый бок, головой он был ориентирован на северо-запад. Руки погребённого были слегка согнуты в локтях, правая нога – в колене. Кисть левой руки отсутствовала. У головы погребенного располагался лепной округлодонный сосуд, орнаментированный в верхней части резными линиями в виде двух рядов параллельных зигзагов (Лифанов, Седова, 2003. С. 306, рис. 5, 8) (рис. 25).

С древними уграми некоторыми исследователями также связывается погребение 1 Подгорского грунтового могильника, погребальный инвентарь в котором представлен крупной серебряной серьгой (Лифанов, Седова, 2003) (рис. 26).

Рис. 25. Селище Ош-Пандо-Нерь. Погребение №14. Лепной сосуд

Рис. 26. Подгорский грунтовой могильник. Серьга. Серебро

5. Жигулевский II грунтовый могильник

Жигулевский II грунтовый могильник расположен в северной части Самарской Луки в окрестностях с. Жигули. Памятник, составляющий единый комплекс с расположенным рядом синхронным ему поселением, обнаружен в 2010 г. археологической экспедицией Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. В 2010-2018 гг. на могильнике было заложено три раскопа. Основные работы проводились на раскопе 3 площадью 148 кв. м. На нем было изучено 19 погребений, 18 из которых совершены по обряду кремации, одно – по обряду ингумации. Кремационные погребения совершались преимущественно в округлых ямах диаметром 0,4-0,8 м, глубиной 10-30 см. В заполнении ямы на разной глубине встречены кальцинированные измельченные кости. Несколько кремационных погребений были устроены в могильных ямах подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами, размерами 200x100-120 см, углубленных в материк на 0,7 м. В верхней части заполнения ям зафиксированы угли и отдельные кальцинированные кости (рис. 27). Изученные погребения сопровождалась лепными горшковидными сосудами, украшенными защипами по краю венчиками, предметами быта, конской сбруи, удилами, фрагментами поясных наборов, бронзовыми украшениями, стеклянными бусами (рис. 28; 29). Основная масса находок датируется в пределах VII–IX вв.

Особый интерес представляют погребения № 9-10 – захоронение остатков кальцинированных костей человека с лепным сосудом, удилами набором украшений в одной яме и челюстей и длинных костей лошади с сосудом, удилами и металлическими деталями уздечки – в другой, примыкающей к первой. Богатым инвентарем отличалось кремационное погребение № 5 (рис. 31-33). На основании раскопок Жигулевского археологического комплекса можно утверждать, что часть погребений на Жигулевском II грунтовом могильнике совершалась в одно время с подкурганными и грунтовыми захоронениями новинковского типа. Отличия в погребальной обрядности позволяют говорить о том, что население, ос-

тавившее памятники в разных районах Самарской Луки, отличалось друг от друга по этнической и культурной принадлежности. Не исключено, что среди населения, оставившего погребения Жигулевского II грунтового могильника, были и представители угорских групп.

Рис. 27. Жигулевский грунтовый могильник.
Раскоп 3. Погребение 4. Остатки кремации

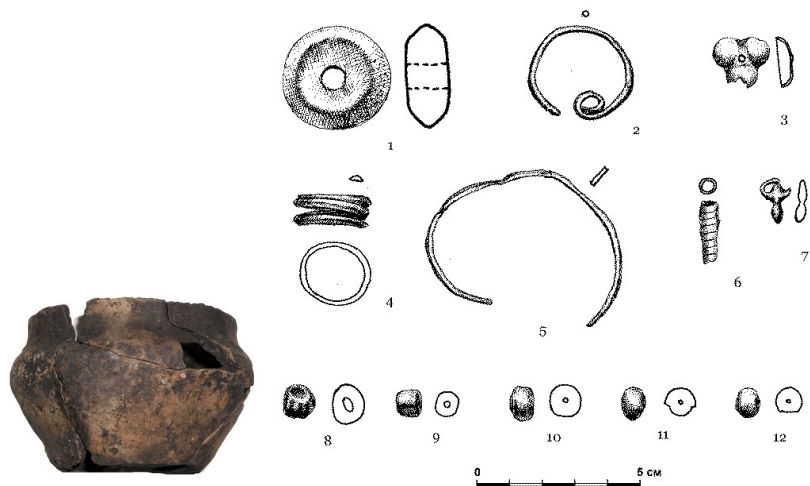

Рис. 28. Жигулевский грунтовый могильник.
Раскоп 3. Кремационное погребение и предметы из захоронения

Рис. 29. Жигулевский грунтовый могильник.
Раскоп 3. Погребение 4. Предметы из погребения

Бусы из погребений Жигулевского II грунтового могильника (рис. 30) находят аналогии в памятниках раннего средневековья УралоПоволжского региона, в том числе в погребениях новинковского круга на Самарской Луке (Матвеева, 1997), в памятниках неволинской культуры Прикамья (Голдина, 2010), салтовских комплексах Подонья и Северного Кавказа (Плетнева, 1989)

Жиг. мог. Р.2 погр.2

Рис. 30. Жигулевский грунтовый могильник. Раскоп 2.
Предметы из разрушенного погребения 2, побывавшие на погребальном костре.
Стеклянные бусы, фрагменты бронзовых украшений

Рис. 31. Жигулевский грунтовый могильник.
Раскоп 3. Погребение 5. Предметы из погребения

Рис. 32. Жигулевский грунтовый могильник.
Раскоп 3. Глиняная посуда из погребения 5

Рис. 33. Жигулевский грунтовый могильник.
Раскоп 3. Стекланные бусы из погребения 5

Два погребения, совершенные в длинных прямоугольных ямах (рис. 34), выделялись из числа прочих – они сопровождалась лепными глиняными сосудами и жертвенными комплексами из челюстей лошади и предметов конской сбруи и упряжи (рис. 35).

Рис. 34. Жигулевский грунтовый могильник.
Раскоп 3. Погребения 9-10

Рис. 35. Жигулевский грунтовый могильник.
Раскоп 3. Инвентарь погребений № 9-10

Рис. 36. Жигулевский грунтовый могильник. Раскоп 3.
Уздечный набор из погребения № 10

Приведенные в данном разделе материалы свидетельствуют в пользу того, что в Самарском Поволжье в VII-X вв. постоянно присутствовали отдельные группы кочевого населения, появление которых в регионе относится к разным хронологическим периодам.

Выявление поселений последней четверти I тысячелетия позволило аргументированно утверждать, что это население находилось в регионе не только во время крупных миграций и в периоды экстраординарных природно-климатических изменений.

6. Поселения хазарской эпохи в Самарском Поволжье

На рубеже XX-XXI вв. были выявлены и начали изучаться поселенческие комплексы последней четверти I тыс. Эти поселения немногочисленны и типология их представлена в отдельной работе (Сташенков, 2010). Горизонт с находками хазарского времени обычно тонкий и редкие индивидуальные находки не позволяют дать ему узкую датировку. На всех памятниках в той или иной степени представлена керамика салтово-маяцкого круга, причем керамический набор на памятниках, расположенных в различных частях Самарского Поволжья, различается между собой. Четко выделяются две группы памятников.

1) Памятники Самарской Луки.

При раскопках на селищах Севрюкаево II, Новый Путь, Малая Рязань VII выявлены фрагменты лепных горшков, орнаментированных защипами и вдавлениями по венчику, фрагменты красноглиняных амфор причерноморского типа, глиняные уплощенные пряслица, фрагменты глиняных сковород с бортиками. Насыщенность культурного слоя находками низкая (Матвеева, 2003; 2005; Матвеева, Скарбовенко, 2005; Вязов, Нерушин, 2010). Остатки жилых построек не выявлены. Предположительная дата памятников – VIII-IX вв. Фрагменты амфор причерноморского типа, которые гипотетически могут конкретизировать дату памятников, имеют широкую датировку (Якобсон, 1979).

Наиболее раннюю хронологическую позицию среди поселенческих памятников Самарской Луки имеет Жигулевское селище, при исследовании которого найдены предметы, характерные для хазарской эпохи (Сташенков, 2013). Среди железных изделий отметим тесло и стремя, находящие аналогии в том числе в погребальных комплексах новинковского круга (рис. 37). Керамический материал представлен немногочисленными фрагментами круговой керамики салтовского облика (рис. 38), фрагментами лепных горшковидных сосудов, с примесью шамота, дресвы и органики в формовочной массе. Отсутствие целых форм и выразительных крупных фрагментов не позволяет провести четкие параллели с материалами конкретных археологических культур. На первом этапе исследования представляется, что по составу формовочной

массы и характеру обработки поверхности сосудов собранная керамика имеет определенное сходство с керамикой пеньковской культуры. В то же время присутствие в керамической коллекции венчиков горшковидных сосудов, имеющих специфическую орнаментацию пальцевыми зажимами, дает возможность предполагать связь обитателей рассматриваемых поселений с населением, оставившим погребальные комплексы новинковского круга.

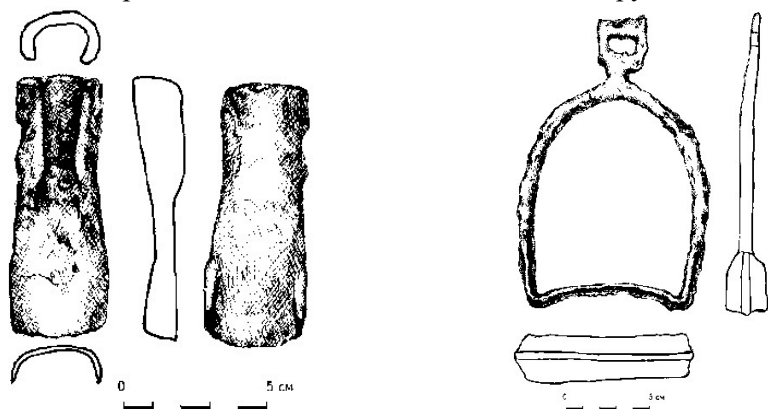

Рис. 37. Жигулевское селище. Находки из культурного слоя памятника.
Тесло, стреля. Железо

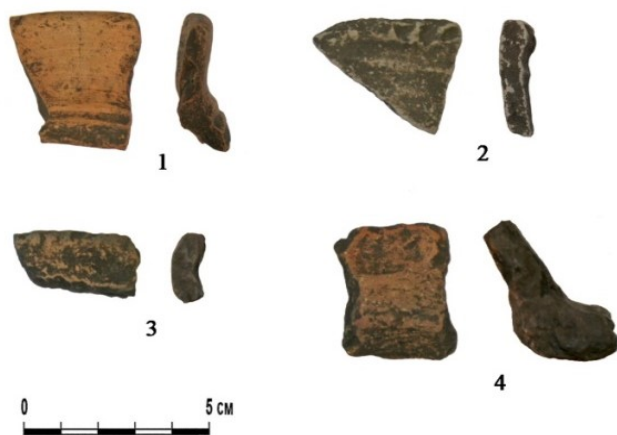

Рис. 38. Жигулевское селище. Фрагменты круговой керамики салтовского круга

На примыкающем с севера к Жигулевскому селищу грунтовом могильнике захоронения совершались по обряду кремации на стороне (см. описание комплексов выше). Материал из погребений дает возможность уточнить датировку памятника в пределах конца VII-VIII в. Возможно, Жигулевское селище оставлено славянским населением, в функции которого входило обслуживание военизированных новинковских групп. Появление этого населения в Среднем Поволжье в целом можно объяснить целенаправленной политикой хазарской администрации по освоению пограничных территорий каганата.

2) *Поселения Самарского левобережья Волги* (Пролетарское городище, селище Власть Труда) (рис. 39).

Памятники удалены друг от друга и расположены в бассейнах разных рек – р. Большой Черемшан и р. Сок.

Рис. 39. Пролетарское городище.

При раскопках Пролетарского городища были найдены фрагменты причерноморских амфор, салтовских подправленных на круге кувшинов вытянутых пропорций, пряслица из стенок салтовских кувшинов, жетоны из стенок амфор (рис. 40). Часть керамического материала находят параллели в западносибирских материалах IX-X вв. (рис. 41-42).

Рис. 40. Пролетарское городище. Пряслице и жетон из стенок круговых сосудов

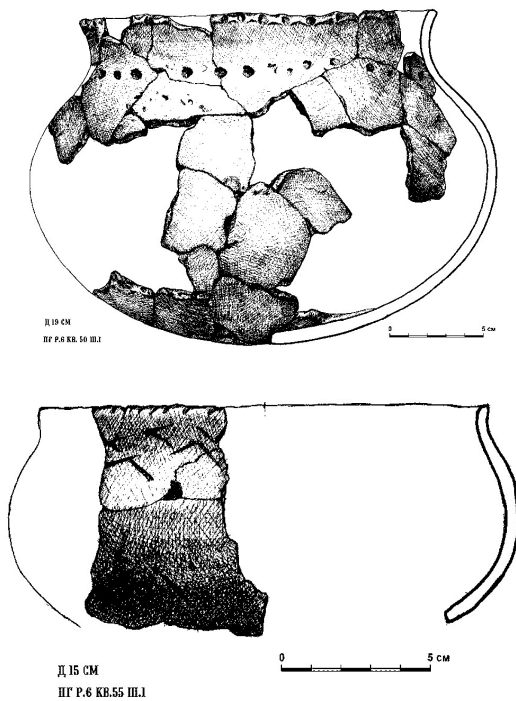

Рис. 41. Пролетарское городище. Лепные круглодонные сосуды

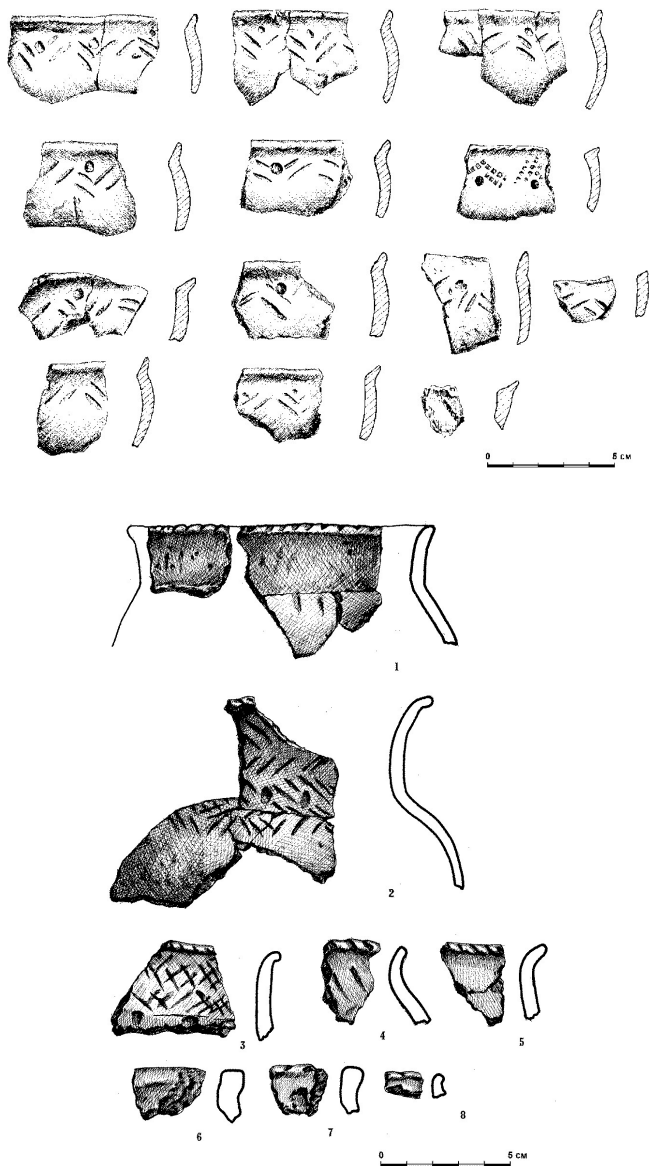

Рис. 42. Пролетарское городище. Фрагменты лепных сосудов

На селище Власть Труда, расположенном выше Самары, к северу от места впадения реки Сок в Волгу, помимо массовой лепной плоскодонной неорнаментированной керамики найдены фрагменты амфор крымского типа и круговой керамики салтовомаяцкой культуры (рис. 43), а также орнаментированная резными линиями и отпечатками штампа по тулову, вдавлениями и насечками по срезу венчика лепная керамика, которую можно связать с населением угорского круга (рис. 44). На основании анализа керамического материала, находок бронзовой ременной накладки, мозаичной стеклянной бусины и радиоуглеродных дат памятник можно датировать VIII-IX вв. н.э. Тонкий культурный слой на основной части памятника свидетельствует о сравнительно кратковременном существовании поселения.

Рис. 43. Селище Власть Труда. Шурф 39. Фрагменты амфор и круговой керамики из соор. 1.

Рис. 44. Селище Власть Труда. Шурф 39. Керамика из соор. 1

Основную часть находок на селище Власть Труда составляет лепная горшковидная керамика с примесью шамота и органики в формовочной массе (рис. 45). В ряде случаев зафиксировано совместное залегание фрагментов этой керамики с фрагментами круговой керамики салтово-маяцкой культуры (рис. 43-45), что, несомненно, свидетельствует об их синхронности.

Рис. 45. Селище Власть Труда. Шурф 39. Лепная керамика из соор. 1

Таким образом, археологические материалы поселений дают основания для утверждения о том, что среди оставившего памятники Самарского левобережья Волги населения выделяются группы, родственные как населению салтово-маяцкой культуры, так и угорскому населению, имеющему восточное по отношению к Самарскому региону происхождение. Вероятно, оба памятника являются сезонными стоянками. Предположительная дата памятников – IX-X вв.

Заключительный этап хазарской эпохи в Самарском регионе представляют памятники долины р. Большой Черемшан, на которых присутствует керамика роменско-боршевского круга: селища Каменный Брод, Пролетарское (Кочкина, Сташенков, 1999). Предварительно памятники, маркирующие завершающую стадию освоения территории Среднего Поволжья выходцами с территории Хазарского каганата, могут быть датированы в пределах X в.

К этому времени относятся и первые известные стационарные поселения на территории Татарстана, на которых найдена керамика салтовского круга (Старостин, 2007).

7. Некоторые исторические выводы, сделанные на основе анализа археологических материалов хазарской эпохи Самарского Поволжья

Письменных источников по истории Самарского региона в хазарскую эпоху практически нет. Один из немногих и самый ранний из дошедших до нас – «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о путешествии на Волгу» содержит краткую информацию о волжском левобережье на закате хазарского владычества, в 922 году.

Археологические материалы дают возможность заполнить событиями столетия бесписьменного периода, а привлечение письменных сведений по сопредельным территориям позволяет включить историю Самарского Поволжья в канву общеисторического процесса степного пояса Евразии в эпоху раннего средневековья.

В настоящее время можно утверждать, что территория региона входит в орбиту непосредственного влияния Хазарского каганата, одного из крупнейших раннесредневековых государственных образований Европы, уже в последней трети VII века. Наиболее ранние погребальные комплексы этого времени – подкурганные захоронения воинской элиты каганата, представленные комплексами Шиловского и Березовского курганных могильников. Не позднее рубежа VII-VIII вв. территория правобережья Волги в ее самарском течении уже находится в составе земель, уверенно контролируемых хазарской администрацией. Вооруженный контроль над этой территорией осуществляли профессиональные воины, захоронения которых, совершенные на Самарской Луке, выявлены в погребальных комплексах новинковского типа. Для обслуживания крупных воинских формирований и, вероятно, представителей администрации, требовались ремесленники и земледельцы, которых в регионе к концу VII столетия не было. Следовательно, необходимо было организовать массовое переселение в регион оседлого населения с других территорий, контролировавшихся Хазарским каганатом. Такое переселение происходит неоднократно на протяжении VIII века и фиксируется по материалам выявленных памятников Жигулевской археологической культуры. В комплексах этой культуры отчетливо фиксируется славянский компонент.

Опираясь на археологические материалы и на сведения Ибн-Фадлана о территории, занятой кочевниками-башкортами в 922 г., можно утверждать, что левобережье Волги в начале хазарской эпохи контролировалось кочевым населением мадьярского круга. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, наиболее востребованными в среде кочевого населения средневековой эпохи в регионе являлись пастбищные угодья в Самаро-Кинельском междуречье.

Именно к этому району приурочены погребения мадьярского круга первой группы, дюнные находки у с. Марычевка и поселение «Власть Труда». К сожалению, характер имеющихся комплексов дает возможность сделать только предварительные замечания о размерах пастбищных территорий, занимаемых небольшими родственными группами. Вероятно, в окружности они не превышали 50-70 км. Погребение в курганном могильнике Просвет хорошо вписывается в предлагаемую структуру и также может являться мадьярским.

Оставшиеся комплексы 2-4 групп с собственно мадьярским кругом памятников связать не представляется возможным, но они могли быть оставлены в целом родственными угорскими группами. Так, Лебяжинское погребение обнаруживает определенную близость с синхронными ему могильниками Прикамья и Приуралья, связываемым с мадьярским этносом. Об этом свидетельствуют аналогии вещевому комплексу и деталям погребального обряда. Совпадает набор и характер размещения погребального инвентаря, оформление могильной ямы, наличие жертвенного комплекса в изголовье погребенного и другие детали. И хотя юго-восточная ориентировка Лебяжинского погребения не характерна в целом для памятников мадьярского круга, где преобладает западная ориентировка погребенных, однако и в Больше-Тиганском, и в Танкеевском могильниках встречается восточная ориентировка с сезонными отклонениями (Халикова, 1972. С.148).

Анализ полученного при раскопках раннесредневековых поселений археологического материала позволил сделать вывод о том, что территория Самарского Поволжья входила в зону традиционных кочевых маршрутов мадьярских племен задолго до IX в.

Отдельные группы кочевого населения мадьярского круга регулярно проникали в Самарское Поволжье не только во время крупных миграций и в периоды экстраординарных природно-климатических изменений, но и во время сезонных перекочевок, начиная с рубежа IV-V вв.

Что касается комплексов IX в., то, в отличие от более северных территорий Татарстана и Ульяновского Поволжья, на которых основная масса памятников раннеболгарского времени относится ко второй пол. VIII – IX в., территория Самарского Поволжья к этому времени была заселена уже не столь плотно. Возможно, предположение ряда исследователей о том, что с последней четверти I тыс. н.э. на Средней Волге размещались лишь летние кочевья населения, на зиму уходившего в степные районы Приаралья, Предкавказья и Причерноморья (Кузеев, 1992. С.50-51), в какой-то степени объясняет редкость комплексов IX в. в Самарском Поволжье. Однако, гипотетическое нахождение кочевников Средней Волги на стадии таборного кочевания и кратковременное их пребывание в Поволжье не объясняет наличия крупных синхронных могильников на территории Прикамья. Скорее, объяснение малочисленности этих комплексов кроется в пограничном характере Самарского Поволжья, находящегося на стыке степной и лесостепной зон.

Пограничный характер регион имел и в политическом плане: в IX-X вв. по его территории проходила граница между племенами, находившимися под контролем венгерского союза, а позднее печенегов и населением, подконтрольным Хазарскому каганату, а впоследствии и Волжской Болгарии. Полученные в результате археологических работ данные дают возможность уточнить юго-западные границы *Magna Hungaria*. Даже если допустить, что в ходе миграционного движения венгерских групп на Запад в первой половине IX в. регион покинула их основная масса, то оставшиеся после прохода печенегов и отхода их в более южные и западные районы группы мадьяр вновь занимают свои родовые территории. Можно предположить, что оставшиеся небольшие кочевые коллективы занимали пастбищные угодья в низовьях и в среднем те-

чении Самары. Возможно, именно эти кочевники были описаны Ибн-Фадланом под именем башкорттов.

В X в. количество кочевнических захоронений в регионе резко сокращается. Возможно, это связано с формированием нового крупного государства – Волжской Болгарии, политика которой препятствовала нахождению в непосредственной близости от государственных границ кочевых групп иного населения. В это время территория Самарского Поволжья вновь приобретает характер пограничья: здесь проходила северная граница кочевого мира и южная – оседло-земледельческого. К середине XI века пастбища вдоль Самары, вероятно, переходят под контроль кыпчаков и южные границы венгерского союза отодвигаются к северу.

Заключение

Накопленные за долгие годы археологических исследований материалы позволяют сделать следующие выводы о специфике освоения Самарского региона в хазарское время:

1) Рассмотренные в пособии археологические памятники появились в Самарском Поволжье в хазарскую эпоху в результате миграционных процессов.

2) Причины появления нового населения в регионе связаны как с государственной политикой Хазарского каганата, так и с этнокультурными процессами в Волго-Камье и Приуралье.

3) По материалам погребального обряда отчетливо прослеживается смена как материальной культуры, так и идеологических представлений населения региона на разных отрезках хазарской эпохи. Многочисленные аналогии основным категориям находок в салтовских комплексах Подонья и аланских могильниках Северного Кавказа, отсутствие серийных аналогий в сибирских и центрально-европейских древностях позволяют аргументировать отнесение территории Самарского Поволжья в конце VII – IX в. к политической орбите Хазарского каганата.

4) Территория левобережной части Самарского Поволжья на протяжении раннесредневековой эпохи, вплоть до IX в. входила в зону традиционных кочевых маршрутов угорских групп.

5) Поселения, на которых представлена керамика салтовоязского круга, появляются в Самарском Поволжье не ранее второй половины VIII-IX в. Признаком для выделения подобных памятников служит присутствие в керамическом комплексе фрагментов круговых кувшинов с полосчатым вертикальным или перекрестным лощением, и фрагментов амфор причерноморского типа. На поселениях преобладает лепная плоскодонная горшковая посуда, которая изучена недостаточно.

6) Изученные поселения в основном имеют тонкий культурный слой и являются либо сезонными стойбищами подвижного населения, либо недолговременными ремесленными поселками.

7) Поселения хазарского времени в Среднем Поволжье оставлены смешанным в этническом плане населением. Часть этого

населения была родственной носителям салтово-маяцкой культуры. Определить исходный район миграции этого населения в рамках общего ареала салтово-маяцкой культуры в настоящий момент не представляется возможным. На основании археологических находок можно также говорить о присутствии в регионе крупных групп славянского и угорского населения.

Список использованной литературы

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998. 286 с.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. / Отв. ред.: И.Н. Васильева. Самара, 2006. С. 400–412.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды КГПИ. Том 230. Куйбышев, 1979. С. 202–240.

Вязов Л.А., Нерушин И.А. Исследования поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007-2009 гг. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. С. 128–146.

Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Черепа из средневековых захоронений на территории древнего поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 202 с.

Голофаст Л.А., Евдокимов П.А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. XXIV / Отв. ред. А.И. Айбабин. Симферополь, Соло-рич, 2019. С. 186–216.

Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских булгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан, 1997.

Книга Ахмада ибн-Фадлана [Перевод с арабского и примечания Вяч. С. Кулешова] // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки/ Гос.Эрмитаж. М.: Изд. Дом Марджани, 2016. 560 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во. Харьковского гос. университета им. А. М. Горького, 1956. 345 с.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование мусульманского могильника у д. Пролетарий // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. I. Самара: СамВен, 1999. С. 178–200.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Лифанов Н.А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001–2002 гг. // Краеведческие записки. Вып. XII / Ред.: Кабытов П.С. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2005. С. 67–80.

Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 306–314.

Матвеева Г.И. Погребение VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 1. Отв. ред.: Медведев Е.И. Куйбышев, 1976. С. 33–39.

Матвеева Г.И. Погребения VIII–IX веков у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья / Ред.: Федоров-Давыдов Г.А. Казань, 1977. С. 52–56.

Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 158–171.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, Самарский университет, 1997. 226 с.

Матвеева Г.И. Поселения VII–IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. Материалы II Халиковских чтений / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 107–117.

Матвеева Г.И. К вопросу о седентаризации волжских болгар // II Городцовские чтения. Материалы конференции: чтения, посвященные столетию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее / Отв. ред. И.В. Белоцерковская / Тр. ГИМ. Вып. 145. М., Государственный исторический музей, 2005. С. 294–298.

Матвеева Г.И., Семькин Ю.А. Новослободское городище – центр седентаризации раннесредневековых кочевников на территории Ульяновского Поволжья // Материалы четвертой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину / ред. А.Н. Зубов. Ульяновск, Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2008. С. 188–197.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Новые исследования селища Севрюкаево II // Краеведческие записки. Выпуск XII. / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2005. С. 35–58.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Том I. М., 1954. С. 39–156.

Науменко В.Е. Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. (Боспорские исследования. Supplementum 5) / Отв. ред. А.И. Айбабин. Симферополь – Керчь: Адеф-Украина, 2009. С. 35–50.

Науменко В.Е. Амфоры «причерноморского типа» на территории средневековой Таврики и Кавказа: проблемы современной атрибуции и хронологии // XI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. / Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 399–401.

Павлов А.А., Денисов А.В. Одиночное детское грунтовое погребение кочевника мадьярского круга с территории курганного могильника Кряж I // Археологические открытия в Самарской области 2023 года. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2024. С. 22–23.

Перепелкин С.Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 199–207.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. [Перевод и комментарии А.П. Ковалевского.] Под редакцией И.Ю. Крачковского. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. 228 с.

Савин А.М., Семенов А.И. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов. Самара, 1995. С. 74–77.

Семыкин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 167–184.

Семыкин Ю.А., Казаков Е.П. Исследования новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань, Институт истории АН РТ, 2003. С. 118–142.

Семыкин Ю.А., Матвеева Г.И. Освоение природных ресурсов, становление и развитие хозяйства у раннесредневекового населения новослободской группы памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. С. 243–254.

Скарбовенко В.А. Погребение кочевника салтовского времени в долине р. Самары // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара: ЗАО «Файн Дизайн», 2001. С. 197–199.

Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000. С. 166–187.

Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Том II. Казань, 2007. С. 140–144.

Сташенков Д.А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межнациональных контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. С. 118–127.

Сташенков Д.А. Керамический комплекс поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Международный научный семинар «Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье» (г. Ялта, 16 октября – 20 октября 2011 г.). Ялта: НАН Украины, 2011. С. 99–104.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самара. Самара, 2012. 136 с.

Сташенков Д.А. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, АНО «Издательство СНИЦ РАН», 2014. С. 82–124.

Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина. 2020. 120 с.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Археологические памятники Самары. Самара, 2012.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Исследование селища Власть Труда I в 2019 году // Археологические открытия в Самарской области 2019 года. Самара, 2020. С.29–30.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П. Керамика из погребений Жигулевского II грунтового могильника: морфология и технико-технологический анализ // Археология Евразийских степей. № 6. Казань, 2019. С. 177–197.

Сташенков Д.А., Салугина Н.П. О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир. Выпуск 19). М.: ИА РАН, 2017. 336 с. С.311–325.

Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка: (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Отв. ред.: Выборнов А. А. Самара, 1999. С. 289–302.

Суханов Е.В. Формы «причерноморских» амфор VIII-X вв. // Российская археология. № 3. 2017. С. 89–104.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 145–160.

Халикова Е.А. Magna Hungaria. Вопросы истории, 1975, №7. С. 37–42.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА, 1976, № 2. С. 158–178.

Халикова Е.А. Ранненеолитские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. Советская археология 1976, №3. С. 141–156.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979. 164 с.

Список рекомендованной литературы

Обязательная литература

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 10–23.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Zubov C.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998. 286 с.

Богачев А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв.: учебное пособие к спецкурсу. Самара, СамГПУ, 1998. 108 с.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды КГПИ. Том 230. Куйбышев, 1979. С. 202–240.

Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт, 2018. 424 с.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, Самарский университет, 1997. 226 с.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. 344 с.

Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина. 2020. 120 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Выпуск 25. Казань. 2018. 144 с.

Дополнительная литература

Археологические памятники... История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). Выпуск 6. Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996.

Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н. Курганные группы Золотая Нива I и II // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004. С. 202–240.

Багаутдинов Р.С., Никитина А.В. Исследования селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке в 1994 г. (раскоп Г. И. Матвеевой) // Средневековые. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Отв. ред.: Богачев А.В. Самара, 2013. С. 164–186.

Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Барта А. Истоки венгерской культуры X в. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Средневековые погребения с территории Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996.

Богачев А.В., Лакоценин Д.В. Новые находки раннесредневековых удил близ 23 км г. Самары // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 7. Самара, 2016. С. 17–32.

Боталов С.Г. Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №11 (265). История. Вып. 50. С. 128–146.

Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // Археология и этнография Башкирии. Том II. Уфа, 1964. С.111-129.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. 214 с.

Давидан О.И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII-IX вв. // АСГЭ, вып.27. Л., 1986.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-Москва, 2011.

Иванов А.А., Копылов В.П. Бронзовые зеркала из раннесредневековых подкурганых погребений Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // *Донская археология*. 2001. № 3–4. С. 126–130.

Иванов В.А. Магьярський шлях на Захід // *Культури степів Євразії другої половини I тисячоліття н.е. Тезиси доповідей*. Самара, 1995.

Иванов В.А. Урало-Поволжская часть магьярского пути на запад // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.е.* Самара, 1996.

Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.е. // *Аланы: история и культура*. Alanica-III. Владикавказ, 1995.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск первый. Мечи и сабли IX–XIII вв. // *САИ*. Вып. Е1-36. Москва-Ленинград, 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // *САИ*, вып. Е1-36. М–Л., 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // *САИ*, вып. Е1-36. Л., 1971.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // *САИ*. Вып. Е1-36. Ленинград, 1973.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // *САИ*, вып. Е1-2. М., 1979. 128 с.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР. М., 1981. С.83–187.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // *Аланы: история и культура*. Alanica-III. Владикавказ, 1995. С. 123–183.

Комар А.В. Древние мадяры Этелькеза: перспективы исследований // *Мадяри в Середньому Подніпріві*. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий С.А. Киев, 2011. С. 21–78.

Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело хазарского каганата // *Восточноевропейский археологический журнал*. №2 (3), 2000.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. По Самаре с археологом. Самара, 2014.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М., 1996. 398 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981.

Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып.1. Археологический сборник. Саратов, 1956. С. 65-85.

Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка. К вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник. Вып. 6 / Под ред. А.З. Винникова. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 241–254.

Матвеева Г.И. Памятники Кара-Якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Выпуск V / Отв. ред. Басин С.Г. Куйбышев, 1975. С. 13–22.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаёжная зоны). Новосибирск, 2000. 400 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966.

Мерперт Н.Я., Смирнов А.П. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 9–64.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 176 с.

Петренко А.Г. К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н. э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 198–212.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.

Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900. 73 с.

Рашев Рашо. Прабългарите през V-VII век. 2 изд. София, 2004. 348 с.

Смирнов А.П. Волжские булгары. Труды ГИМ. Вып. XIX. М., 1951. 295 с.

Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., МГУ, 1962. С. 160–174.

Сташенков Д.А. Археологические исследования у с. Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С. 268–284.

Сташенков Д.А. Об одной группе раннесредневековых украшений Самаро-Симбирского Поволжья (серьги салтовского типа) // Культуры степей Евразии второй пол. I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1997.

Сташенков Д.А. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 3. М., 1997. С. 290–297.

Сташенков Д.А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 гг. // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара, изд-во СНЦ РАН, 2003. С. 324–345.

Сташенков Д.А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье накануне прихода Ибн Фадлана // Материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям. Сборник статей / под ред. Р.С. Хакимова, З.Р. Валеевой, М.Р. Гайнановой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 144 с. С.120–130.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

Турецкий М.А., Козмирчук И.А., Красильникова Л.И. Раскопки селища Малячкино IV в Шигонском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области 2021 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2022. С. 21–23.

Тюрк А. О вопросе башкирско-венгерских отношений и проблеме «Великой Венгрии» (Magna Hungaria) // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и

историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966) / Отв. ред.: Горбунов В. С. и др. Уфа, 2007. С. 346–354.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественного-Исторического музея) // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7–36.

Халиков А.Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 73–89.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.

Цалкин В.И. К истории млекопитающих восточноевропейской лесостепи // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. Вып. 3. 1964. С. 25–39.

Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Chalikowa E.A., Chalikow A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). Magyar Nemzeti Muzeum, 1981.

Fettich Nandor. Adatok a honfoglalaskor archaeologiajához // Archaeological Ertesito, 1931.

Приложение 1

**Радиоуглеродные даты памятников хазарской эпохи
в Самарском Поволжье**

Наименование памятника	Год раскопок	Номер комплекса	Материал	Вес образца	Дата, шифр лаборатории
Жигулевское селище	2012	Р.1 кв.1,3 ш.1	Кости жив.	125	1382±35 BP SPb-1027
Жигулевское селище	2012	Р.1 кв.1 ш.1	керамика	140	1279±40BP SPb-1029
Жигулевское селище	2012	Р.3 кв.1 ш.1	керамика	120	1366±40BP SPb-1030
Жигулевское селище	2012	Р.1	Кости жив.		1320±100 ИГАН-4612
Жигулевский могильник	2012	Р.4 кв.2 ш.2	керамика	110	1250±40 BP SPb-1031 681-777 Cal AD (61,2%)
Жигулевский могильник	2014	Р.3 погр.	Уголь дуба		1310 ± 30 (Ki-18766) (707 ± 40 г. н.э.)
Новинковский 1 КГМ	1999	К.8 погр.6	Кости чел.	110	1330±45 BGS-2412 Ун-т Брок AD: 708 ± 44
Власть Труда, селище.	2017	Шурф 39. Соор.1	АМС, уголь		1255 ±21 UOC-5332 675-778 Cal AD (92,8%) 792-803 Cal AD (01,2%) 843-857 Cal AD (01,3%)

**Примерные темы докладов, рефератов и курсовых работ
по теме «Самарское Поволжье в хазарскую эпоху»**

Тема «Хазарская эпоха в Самарском Поволжье»

- Хазарский каганат по археологическим данным;
- Салтово-маяцкая культура: можно ли считать ее государственной культурой Хазарского каганата?
- Аланский, болгарский, хазарский компоненты в салтово-маяцкой культуре – действительно ли они отражают этнические реалии?
- Славяно-хазарское пограничье. Что скрывается под этим понятием?

*Тема «Погребальные комплексы начала хазарской эпохи в
Самарском Поволжье. Памятники новинковского типа»*

- Подкурганные захоронения последней трети VII в. в Самарском Поволжье.
- Памятники новинковского типа: общая характеристика.
- Военизированная культура – применимо ли такое определение к населению, оставившему памятники новинковского типа на Самарской Луке?
- Обряд обезвреживания погребенных у раннесредневекового населения Европы – историческая реальность или вымысел археологов?

*Тема «Памятники второй хронологической группы
(Подкурганные кочевнические захоронения
второй половины VIII-IX вв.)»*

- Общая характеристика кочевнических комплексов второй половины VIII-IX вв.
- Специфика погребальных комплексов второй половины VIII – первой половины IX в. Волжского левобережья. Возможна ли их этническая атрибуция?

Тема «Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье»

- Больше-Тиганский и Танкеевский могильник на территории Татарстана. Почему археологи связывают их с древними венграми?
- Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье: хронология и топография.
- Magna Hungaria в свете исторических и археологических источников.

Тема «Поселения хазарской эпохи»

- Поселения хазарской эпохи в Самарском Поволжье: общая характеристика.
- Кремационные погребения хазарской эпохи: территория, хронология. Возможна ли их этническая атрибуция?
- Домостроительная традиция раннеславянского населения Восточной Европы. Связана ли она с этническими особенностями?
- Поселения хазарской эпохи в Самарском Поволжье: отражение процесса оседания кочевников на землю или свидетельство миграций крупных групп оседлого населения?

Учебное издание

Сташенков Дмитрий Алексеевич

**САМАРСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ
В ХАЗАРСКУЮ ЭПОХУ**

Учебное пособие

Редактор И.И. Спиридонова

Подписано в печать 24.12.2024. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печ. л. 5,0.

Тираж 27 экз. Заказ . Арт. – 23(Р2УП)/2024.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, САМАРА, МОСКОВСКОЕ ШОССЕ, 34.

Издательство Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

